



IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

DOI: 10.67227

ISSN 3060-5059



VOL.3 № 6

2026

L. N. ANDREYEV BADIY TIZIMIDA QO'RQUV KATEGORIYASINING EKZISTENSIAL MODIFIKATSIYALARI

Ishniyazova Shahnoz Ashirovna

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti, professor

Nuriddinova Mexribon

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti, magistrant

Annotatsiya

Mazkur maqolada L. N. Andreyev ijodida qo'rquv kategoriyasining o'ziga xos funksional xususiyatlari uning badiiy antropologiyasi va ekspressionistik poetikasining dominant unsurlaridan biri sifatida tadqiq etiladi. "Jar", "Qizil kulgi" hikoyalari hamda "Yeti osilgan kishi haqida hikoya" qissasi misolida qo'rquvning ontologik (biologik), metafizik va ijtimoiy darajadagi ifodalanish shakllari tahlil qilinadi. Tadqiqotda qo'rquvning inson mavjudligining chegaraviy holatlarida namoyon bo'ladigan ekzistensial fenomen sifatidagi konseptual talqiniga alohida e'tibor qaratiladi. Muallif Andreyev asarlarida qo'rquv shaxsning ichki inqirozi, hayot va o'lim o'rtasidagi ziddiyatlar hamda insoniy mohiyatni anglash jarayonining muhim tarkibiy qismi sifatida namoyon bo'lishini asoslab beradi.

Kalit so'zlar: L. N. Andreyev, Kumush asr, ekspressionizm, qo'rquv kategoriyasi, ekzistensializm, chegaraviy vaziyat, badiiy antropologiya.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОДИФИКАЦИИ КАТЕГОРИИ СТРАХА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ Л. Н. АНДРЕЕВА

Ишниязова Шахноз Ашировна

Самаркандский государственный университет имени Шарафа Рашидова, профессор

Нуриддинова Мехрибон

Самаркандский государственный университет имени Шарафа Рашидова, магистрантка

Аннотация

В статье исследуется специфика функционирования категории страха в творчестве Л. Н. Андреева как доминантного элемента его художественной антропологии и поэтики экспрессионизма. На материале рассказов «Бездна», «Красный смех» и повести «Рассказ о семи повешенных» анализируются уровни репрезентации страха — от онтологического (биологического) до метафизического и социального. Особое внимание уделяется механизмам концептуализации страха как экзистенциального феномена пограничной ситуации.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, Серебряный век, экспрессионизм, категория страха, экзистенциализм, пограничная ситуация, художественная антропология.

EXISTENTIAL MODIFICATIONS OF THE CATEGORY OF FEAR IN THE ARTISTIC SYSTEM OF L. N. ANDREEV

Ishniyazova Shahnoz Ashirovna

Samarkand State University named after Sharof Rashidov, professor

Nuriddinova Mekhrigon

Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Master's Student

Abstract

This article examines the specific functioning of the category of fear in the works of Leonid N. Andreyev as a dominant element of his artistic anthropology and expressionist poetics. Based on the stories *The Abyss*, *The Red Laugh*, and the novella *The Seven Who Were Hanged*, the study analyzes different levels of the representation of fear, ranging from ontological (biological) to metaphysical and social dimensions. Particular attention is paid to the conceptualization of fear as an existential phenomenon emerging in borderline situations. The author demonstrates that in Andreyev's works fear serves as a crucial means of revealing the individual's inner crisis, the tragedy of human existence, and the philosophical interpretation of life and death.

Keywords: Leonid N. Andreyev, Silver Age, Expressionism, category of fear, existentialism, borderline situation, artistic anthropology.

Литературный процесс рубежа XIX–XX веков ознаменован глубоким кризисом классического антропоцентризма и рационализма. В художественном сознании Серебряного века категория страха перестает быть исключительно психологической реакцией персонажа на внешнюю угрозу и трансформируется в онтологическую константу человеческого бытия. Наиболее репрезентативным в данном контексте является творчество Л. Н. Андреева, в чьей художественной

системе страх эксплицируется как характерологическое свойство эпохи и ключевой элемент поэтики экспрессионизма.

Цель данной статьи — типологизировать модификации страха в прозе Л. Андреева и определить их функции в структуре модернистского текста.

Методологические основания исследования

Теоретическую базу исследования составляют концепции пограничной ситуации (К. Ясперс) и экзистенциального страха (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер). В отличие от конкретного страха перед определённым объектом (Furcht), андреевский страх тождественен понятию экзистенциальной тревоги (Angst), генезисом которой является встреча человека с Абсурдом, Небытием или Иррациональным.

Дифференциация андреевского феномена ужаса позволяет выделить три доминантных уровня его текстовой репрезентации:

Основная часть: Типология андреевского страха.

Биологический (антропологический) страх у Леонида Андреева раскрывается через деструкцию разумного «Я». В рассказе «Бездна» (1902) Л. Андреев осуществляет деконструкцию просветительского мифа о цивилизованном человеке. Страх здесь амбивалентен. С одной стороны, это конвенциональный страх жертвы перед физическим насилием. С другой — восходящий к фрейдистскому пониманию Das Unheimliche (жуткое) страх главного героя Немовецкого перед иррациональной, зоологической бездной собственного подсознания.

Писатель фиксирует момент, когда экзистенциальный страх перед хаосом трансформируется в подчинение этому хаосу. Андреевский антропологический пессимизм постулирует: страх перед биологической природой сильнее рации и моральных императивов.

Метафизический (онтологический) страх связан с ситуацией преддверия небытия. Повесть «Рассказ о семи повешенных» (1908) представляет собой феноменологический анализ страха смерти в условиях пограничной ситуации. Автор смещает фокус с самого акта казни на психологическое состояние ожидания.

Для министра (государственного чиновника) источником ужаса становится темпоральная неопределенность: смерть лишает его привычного контроля над временем. Для приговоренных террористов страх демифологизирует их идейную монолитность, обнажая экзистенциальное одиночество человека перед лицом уничтожения.

В повести «Рассказ о семи повешенных» (1908) Леонид Андреев обращается к остросоциальной и исторически конкретной теме — революционному террору и вынесению смертных приговоров. Однако, реализуя принципы своего творческого метода «панпсихизма», писатель намеренно размывает конкретно-исторические маркеры, смещая фокус исследования с идеологического противостояния в метафизическую плоскость: «человек перед лицом неизбежного небытия». Пространственно-временная организация текста (хронотоп) становится здесь главным инструментом моделирования абсолютного экзистенциального тупика.

Андреев с клинической точностью воссоздает психосоматику паники (нарушение речи, двигательные девиации), доказывая, что метафизический страх небытия деформирует пространственно-временное восприятие личности, изолируя ее от социума. Андреев был пионером экспрессионизма в русской литературе. Чтобы передать атмосферу тотальной тревоги, он использует особые художественные приемы:

Особое место в произведениях Леонида Андреева занимает гиперболизация и сгущение красок. В его текстах преобладают контрастные, резкие цвета (кроваво-красный, мертвенно-белый, глухой черный) и гнетущие звуки.

Одиночество как катализатор страха у Андреева всегда обостряется в изоляции. Герой всегда один перед лицом вселенной. Как писал сам Андреев в дневниках: «Я сжимался от ужаса жизни, одинокий среди ночи и людей...» Пространство одиночной тюремной камеры выступает как материализованное выражение экзистенциальной изоляции человека. Камера у Андреева — это не просто фортификационный или судебно-административный объект, а «глухой ментальный тупик», вещественная проекция внутреннего вакуума и одиночества, которое писатель определяет, как главный катализатор метафизического ужаса. Стены камеры обретают зловещую субстанциональность: они лишают героя коммуникации со «всеобщим», замыкают его сознание на самом себе и заставляют один на один сталкиваться с соматическими проявлениями страха.

Пространство эшафота / места казни (ночной заснеженный пустырь, виселицы) — это финальная точка пространственного сужения, абсолютный предел, где земное пространство

обрывается, трансформируясь в метафизическое Ничто. Нарочитый экспрессионистский контраст — ослепительно белый, чистый снег, сиреневый туман и черные столбы виселиц — подчеркивает иррациональный, фантазмагорический характер происходящего, переводя казнь из плоскости правосудия в плоскость вселенского абсурда.

Художественное время в повести также утрачивает свою объективную, линейно-бытовую размеренность и переходит в статус «экзистенциального времени». Андреев превращает время в зловещую, опредмеченную деструктивную силу. Писатель мастерски использует прием психологического растяжения и сжатия временных отрезков. В сознании приговоренных оставшиеся до казни дни и часы текут неравномерно. Для министра время материализуется в виде огромного черного столба, жестко раскалывающего его жизнь на «до» и «после». В казематах террористов время буквально «бежит», сжимается, падая, по меткому андреевскому выражению, «как стеклянные капли». Символизация как основа страха проявляется в конкретных предметах. Стена, темная комната, бездна быстро теряют бытовые черты и превращаются в символы враждебного рока.

Социально-исторический страх является как феномен массового безумия. В повести «Красный смех» (1904), суггестивно отразившей события Русско-японской войны, категория страха экстраполируется на макроуровень, приобретая космический масштаб. Андреев конструирует метафору «Красного смеха» как персонификацию коллективного безумия и тотальной войны.

Страх в данном тексте теряет индивидуальный характер и становится эпидемиологическим фактором. Он передается медиально (через письма, рассказы очевидцев) и детерминирует распад социальной реальности. Ужас войны у Андреева — это страх перед потерей логики исторического процесса, где разум уступает место кровавому хаосу.

Специфика поэтики экспрессионизма в репрезентации страха в том, что реализация категории страха потребовала от Л. Андреева реформации реалистической поэтики и обращения к инструментарию экспрессионизма — цветовая семантика. Доминирование контрастной, аффективной палитры. Красный цвет («Красный смех») синтетически связывает визуальный образ крови и звуковую партитуру безумия; черный цвет в «Бездне» символизирует поглощение разума.

Динамический синтаксис, который нагнетает чувство страха через использование парцелляции, анафор, градаций и инверсий для передачи прерывистого дыхания, панического монолога или дезориентации героя в пространстве.

Реалистический пейзаж и интерьер заменяются гротескными, деформированными пространствами (искривленные пространства войны, сужающиеся стены комнат), суггестивно транслирующими внутреннее состояние ужаса.

Исходя из вышесказанного, категория страха в творчестве Л. Н. Андреева эволюционирует от психологического субстрата к фундаментальной философско-эстетической категории. Препарируя биологический, онтологический и социальный страх, писатель маркирует антропологический кризис рубежа веков. Художественное моделирование страха в андреевском тексте не преследует цель парализации воли читателя; напротив, оно выступает радикальным способом преодоления духовной стагнации общества через катарсис, актуализируя сострадание к человеку, оставленному один на один с бездной бытия. Для Леонида Андреева страх не был слабостью или пороком. Это был единственно возможный, честный ответ чуткого человека на кризис рубежа XIX–XX веков — эпоху, когда рушились старые ценности, а впереди брезжили катастрофы нового столетия. Заставляя читателя проходить через ужас, Андреев, как парадоксальный гуманист, пытался достучаться до человеческого сердца, сострадая его тотальной незащитности перед лицом вечности. Для Леонида Андреева страх не был слабостью или пороком. Это был единственно возможный, честный ответ чуткого человека на кризис рубежа XIX–XX веков — эпоху, когда рушились старые ценности, а впереди брезжили катастрофы нового столетия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. — М.: Художественная литература, 1990–1996.
2. Замятин Е. И. Леонид Андреев // Лица. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 211–224.
3. Иезуитова Л. А. Творчество Леонида Андреева (1892–1906). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — 206 с.
4. Кьеркегор С. Понятие страха / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. — М.: Академический проект, 2014. — 224 с.
5. Ясперс К. Духовная ситуация эпохи // Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — С. 288–418.